

Наиль Ишмухаметов

Утоли мои печали

63

Сергею Малышеву

утоли мои печали утоли
от вокзалов говорливых отдали

где на солнце будет радуга цвести
где сумею грусть от сердца отвести

тихим шелестом рябиновых ветвей
неизбывную тоску мою развей

здесь покой мой осенит сосновый крест
тише сельского погоста нету мест

Ниязу Акмалу

Как много девушек хороших... но
Исклёван воздух до канвы.
Как много чепчиков подброшено
В пасть ненасытной синевы.

Как много шахт небесных пройдено...
Добыча – пригоршня руды,
Награда – дырочка от ордена
«За бесполезные труды»...

Осколком облачного мрамора
Пришпилен, прохрипишь – Пора...
И фото ветра в рамке траура
Снесут подальше со двора...

непослушные пряди волос
намекали вот бог вот порог
обмануться хотел
удалось
обогреться хотелось
продрог

паутинкою мятной слюны
затянулись морские узлы
полнолунием накалены
прогорали слова до золы

не возшло из золы ни одно
да и ты мне не снишься
и пусть
впереди беспробудное дно
где забуду тебя наизусть

Детская верность инжиру...
Не искушай, говорю,
Твой теремок невысок.
Плесенью выплеснись жирной
Сам-себе-царь-главарю
На окаянный висок.

Детская верность кошмару
Скрипа ночных половиц...
Хватит терзать, – говорю.
Сажай безбожья измаран,
Сам-себя-в-сети-ловец,
Червем ползу к алтарю.

Детская верность полётам,
Долгим полётам во сне,
Ты не умрёшь, – говорю,
Станешь крылом, амулетом,
Пропуском к вечной весне,
Тропкой к душе-тропарю.

Посол суверенного рая,
Пророк в суверенном аду,
О чём ты щебечешь, сгорая
В чужбинном геенском саду?

В какие оглохшие уши
Вливаешь, как в прорву, нектар?
Горохом стены не разрушишь,
Совочком не вспашешь гектар.

Божественной жертвенной трели
Нельзя ни купить, ни украсть.
Молчанья златым ожерельем
Болтливое горло укрась!

И будем безмолвьем богаты,
Беременны всклянть тишиной...
Стихов наведённые гати
Не выдюжат ноши иной,

Чем ржавая дудочка божья.
Не знаю другого пути –
Асфальтовым ложнодорожьем
К себе никогда не прийти.

Чёрный квадрат

Съеденный до корней берег заболоченной старицы,
Наивные мальчик и девочка прячутся в ивняке.
Из миллиона кувшинок одна девчонке подарится –
Белое-белое солнышко на тоненьком поводке.

Мальчик, пропахший тиной, облепленный ряской, рад,
Девочка и кувшинка красотой своей так похожи!
И наплевать пацану, что зияет чёрный квадрат,
Где сияло солнце, да и кожа отмоется тоже.

И теперь, всякий раз, когда я смотрю в ночное окно,
Запахи тухлой воды облепляют одрябшее тело...
Белое солнышко детства... вырвано с корнем оно,
Больно хлестнув по щеке поводком, к старице прошелестело...

закончится воздух и вытечет время
как ртуть на дубовый паркет
отправится в топку бумажное бремя
судьбы рукописный макет

разверзнутся своды в лепнине точёной
над
холодеющим
лбом
и смерть-королева заявится в чёрном
и свита её в голубом

а ты – бездыханный
ты – изжелта-синий
овсяный кисель в голове
когда-то – желанный
когда-то – красивый
когда-то – живой человек

отныне не нужный смазливим подругам
не слышишь, как плачет она
твоя простофиля-дурнушка-супруга
твоя золотая жена

Провинциальное кафе «Уют-муют»,
Пяток голодных у раздатки, трое в зале
Шашлык-машлык самоотверженно жуют,
Который, скинувшись по-братски-мратски, взяли.

Скрижаль взывает: «Не сорить и не шуметь!»
И по традиции под нею – сор шумящий...
Какую ж душу-мушу надобно иметь,
Чтоб испарить из сердца-херца лёд щемящий,

Чтоб воспарить, поправ любовью жизнь без прав,
Опровергая притяжения закончик,
На журавля родное небо обокрав,
Пичугу счастья ухватить за кончик-мончик???

Между солнцем и луной
жизнь проходит стороной...
почему,
кто даст ответ –
жизнь идёт, а жизни нет?

Глобус круглый, город плоский,
Каждый первый одинок,
Режут воздух на полоски
Ножницы спешащих ног.

В складках любопытной кожи
Память лёгкого курка.
Жив ли, помер – всюду то же:
Вечный праздник – День сурка.

Прокуратор распинает,
Грудь служивая в крестах..
Всяк охотник твёрдо знает,
Что фазан сидит в кустах.

Боль фантомная тревожит
Плечи каждого креста.
Жить нельзя казнить...
О, боже!
Пли!
Курок мой, запята...

Где-то там, за черешневой радужкой глаз,
Вызревает диктат азиатских кровей,
Из булатных желёз вырывается глас,
Рассекающий надвое колос бровей.

Типографским клише пустоты – темнотой
Проштампованы орды воинственных лиц...
Бредит степью акын, пьёт полынный настой
В пику триумвирату верижных столиц.

За лесистым бугром, за облезлым плетнём,
За кровавой войной созревает страна –
Зуб за зуб,
глаз за глаз,
боль за боль день за днём.
Созревает страна, непонятна, странна.

На ажурных подвязках её фонарей
Обгорелые коды заоблачных мечт...
Бередят синеву аппликаторы рей...
И над венчиком розог – полуночный меч...

Для неё для одной ловим жемчуг со дна,
Для неё мы сбиваем алмазы с небес...
Созревает страна, ни к чему не годна...
С нею бог, с нею чёрт, с нею ангел и бес.

В начале было слово и в конце,
А между ними – троп огня сырого.
Провален с треском Боль-минор-концерт,
И слово-дирижёр глядит сурово.

Прощайте, лона суррогатных муз,
Сочащиеся жаркой терпкой речью.
До скорого, расстроенный комуз,
Я ухожу с надеждою на встречу.

Прощай, подлунный мир, ты был жесток,
Любовь к тебе угаснет понемножку.
Пригладь слова-занозы, крест-шесток,
Душа-сверчок присядет на дорожку.

Плоскорезы альбатросов пашут толщу лазурита,
Выкорчёвывая корни летней перистой слюны,
Точит капельница солнца парапеты лазарета,
Рвутся паюсные мысли, бритвой сна оскоплены.

По бесплодной голограмме целят стрелы арбалетов,
Вислобрюхие амуры щерят пухленькие рты,
Взгляд за оптикой прицела беспощадно фиолетов,
В тетиве бескомпромиссность горизонтовой черты.

Стрел цианистые тени разлетятся против ветра
Мимо тела, мимо сердца, к трёхкопеечной душе...
Осень...
Скоро грянет осень, станет ночь мудрее утра,
Жёлтый лист коснётся лужи мягким бархатным туше.

